

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παράλιπομένον

Михаил Цетлин
(Амари)

Цельное чувство

СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

Михаил Осипович Цетлин (Амари)
Владимир Хазан
Цельное чувство.
Собрание стихотворений
Серия «Серебряный
век. Паралипоменон»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964871

*Цельное чувство: Собрание стихотворений / Общ. ред., сост., подг.
текста и комм. В. Хазана.: Водолей; Москва; 2011
ISBN 978-5-91763-066-3*

Аннотация

Настоящее издание представляет собой наиболее полное собрание стихов поэта М.О. Цетлина (Амари) (1882–1945). В него вошли не только все его поэтические сборники, но и стихи, публиковавшиеся в периодической печати, а также переводы. В приложении печатаются очерки «Наталья Гончарова» и «Максимилиан Волошин». Творчество Цетлина (Амари) – неотъемлемая часть искусства Серебряного века и истории русской поэзии XX века в целом.

Содержание

Стихотворения. 1906	6
К солнцу свободы	6
В Париже	8
«Мы не можем терпеть, не хотим мы молчать!...»	11
Morituri	12
I. «Вы не хотели пить по капле...»	12
II. «О, нежная, белая лилия...»	13
III. Б – у	14
IV. «Раздался выстрел! Словно грянул гром...»	15
V. Орел в плену	15
VI. Памяти Народной Воли	17
Аист	20
Страх	24
«Проклятие вам, наступившим на грудь...»	26
Борцу-рабочему	28
П.С. Поливанову	31
Смерть невесты	32
На смерть гражданина	34
Мир	36
Ямбы	38
Борец	42

«Я давно уже не был так счастлив, так светел...»	43
Памятник	44
Лирика. 1912	48
Вступление	48
«Снова, как складки покрова, свивается...»	48
«У деревьев весною кору надрежь...»	49
«Звенит, звенит моя душа...»	49
У Венеры Милосской	50
«О, желтенькая птичка канарейка...»	51
Вдохновенье	53
«Золотую кудель еще ткут веретенца...»	53
«О, дай мне, Боже, сил и времени...»	54
Блаженных снов испуг	55
I. Блаженных снов испуг	55
«Пришла ко мне, мой светлый друг...»	55
«В моей душе живет великое...»	55
«Тебе, душа, со мной сплетенная...»	56
«О, это гордое одушевление!...»	56
О счастье	57
Сон	58
Март	60
В дороге	61
«...Я чувствую утром еще полусонный...»	62
«Знойный день догорал, догорал...»	63

«Друг мой...» 64

II. Радость 66

«В первый раз я взглянул на тебя...» 66

«Скучно светит мне солнце...» 66

«Я хочу любоваться тобою без слов...» 67

«Я возьму твои руки...» 68

«Я люблю тебя, слышишь...» 69

«Ночь...» 69

«“Радость моя”...» 70

«Мы сидим вдвоем...» 71

«“Я твоя” – ты сказала мне...» 72

«Когда ты уходишь...» 73

«Когда ты уходишь...» 73

«Отдохни, моя милая...» 74

«Дождь, дождь...» 74

«Я ехал к тебе на пароходе...» 75

III. Боль 77

Расставанье 77

«Безнадежность глядела мне в очи...» 78

I. «Особым знаком отмечает кровь...» 78

II. «Так легко, легко и просто...» 79

«В мире прочного нет ничего...» 80

«Тяжело идти, тяжело идти...» 80

«Испил ты эту чашу до конца...» 81

Конец ознакомительного фрагмента. 83

Михаил Цетлин (Амари)

Цельное чувство

Стихотворения. 1906

К солнцу свободы

В страстном порыве руки простерла
Родина к небу – горит ее взгляд.
Пушек наведены мрачные жерла
С окриком грозным: «назад!»
Слышите гимна вы мощные звуки?
Солнце вы видите ль в прядях волос?
К счастью ведет ее, к счастью сквозь муки
Бог-Гелиос!

Он в золотой из лучей багрянице,
Мерно по небу свершая свой путь,
Вздумал, бессмертный, сойти с колесницы
В сердце ее заглянуть.
Видно, угодно судьбе было мудрой,
Чтобы он новое сердце зажег,
Чтоб целовал ее златокудрий
Юноша-Бог.

Вот почему льется алой рекою,
Жертвенно-чистой, сынов ее кровь:
Сердце им жжет лучезарной тоскою
К солнцу, к солнцу любовь!
К смерти бесстрашно идут их когорты,
Блещут на солнце ярко мечи,
Очи горят, руки к небу простерты,
В сердце – солнца лучи!
Юные очи оно ослепляет,
Всю заливает небесную твердь.
Жгучую жажду их уст утоляет
Только смерть!

В Париже

Весенним солнцем ярко залитой,
Движенья, мощи шума, блеска полный,
Нарядною сверкая красотой,
Катил Париж людские толпы-волны —
И трепетал, и искрился, и жил,
И я его дыханье сторожил,
И радостно, и с светлым восхищеньем
Весь отдавался первым впечатленьям.

Казалось мне, кругом, над головой
Здесь реют тени мертвецов Коммуны,
И дышат кровью камни мостовой,
И глубоко волнует сердца струны
Июльских память и февральских дней;
И память той грозы, еще грозней,
Когда чело властителя народа
Поцеловала в первый раз Свобода.

Величьем поражающий народ!
Величьем вдохновенья и порыва!
Тебя всегда история зовет
Для первого удара и для взрыва.
Ты часто рабски гнет переносил,
Но вдруг вставал, весь в блеске юных сил,
И искра гнева, вспыхнувши во взорах,

Как будто скрытый зажигала порох.

И ты бросал потоки гневных масс
Из темных, грязных улиц Антуана,
Как волны в грозный наводнения час,
Как лаву вновь гремящего вулкана.
Ты разрушал чертоги короля,
Ты умирал, пощады не моля,
И на призыв Камилла Демулена,
Шел узников освобождать из плена.

И думал я: когда же, о, когда
И камня не останется на камне
От серого проклятого гнезда
Бастилии родной? Как дорога мне,
Как мне свята мечта о светлом дне,
Когда в могильной страшной тишине
Раздастся крик свободного народа:
«Для узников измученных – свобода!»

О, знаю я, что мой народ – не раб,
Он борется, он ищет прав свободных.
Недаром же испуганный сатрап
Дрожал от криков грозных всенародных
В дотоле верной, преданной Москве.
И крик тот отозвался на Неве
И прокатился мощно по России,
Как первый всплеск взволнованной стихии.

Средь чуждого народа здесь, вдали,
Моя душа всю веру сохранила
В народ другой, народ родной земли.
Таится в нем неведомая сила
Для лучших, светлых будущего дней:
Он чувствует и глубже, и сильней;
Он светится любовными лучами;
Хоть и трудней зажечь в нем гнева пламя, —

Но день пришел, и вспыхнуло оно
И в каждом ярко загорелось взоре.
Да, моему народу суждено
До дна испить всю чашу бед и горя;
Но все-таки светла его судьба,
Быть может, закалит его борьба
И сделает могучим исполином
И вознесет к сияющим вершинам,

И над его победной головой
События пройдут волшебным роем,
И новой, светлой драмы мировой
Вершителем он станет и героем.
Кипит в нем сил неиссякаемый родник,
И этих толп людских мятежный крик,
И грозный, и властительно суровый, —
Лишь эхо жизни будущей и новой.

«Мы не можем терпеть, не хотим мы молчать!...»

Мы не можем терпеть, не хотим мы молчать!
Наложить на всю жизнь нашей мысли печать,
Чтобы в наших руках и заздравный бокал,
И могучий топор разрушенья сверкал!
Чтобы гниль мы рубили до корня с плеча,
Чтоб бурлила в нас кровь, как руда, горяча!

Эй, товарищ! такой же, как я, дровосек, —
Что за дело, что будет недолог наш век!
Может быть, нас задавит подрубленный дуб,
Черный ворон, взлетевший злорадно на труп,
Каркнет злобно... Ну, что ж, наша смерть — не беда:
Сколько воронов злобных лишилось гнезда!!

Morituri

I. «Вы не хотели пить по капле...»

Вы не хотели пить по капле
Мятежной юности вино:
Кто медлит, тот душой не слаб ли?
И все равно, так близко дно!

И свой напиток драгоценный
Сгустили вы в один бокал,
Чтоб он в короне алой пены
Как зачарованный сверкал.

«Пусть нас не минет наша чаша,
И не горька она для нас!»
Такой была молитва ваша
В ваш страшный час, боренья час.

И вы бестрепетно коснулись
Устами жадными краев,
И вы концу не ужаснулись,
Пошли на тайный властный зов.

И стали светлы миги ваши,

И светел каждый беглый час.
И небо чище, розы краше,
Светлей улыбка женских глаз.

Привет тому, кто бурной влагой
До края налитый бокал,
Исполнен бешеной отвагой,
Безумно щедро расплескал!

Привет тому, кто не по капле
Пьет быстрой юности вино!
Кто бережет, душой не слаб ли?
И все равно, так близко дно!

II. «О, нежная, белая лилия...»

О, нежная, белая лилия,
В алеющих крапинках ты.
Так алые губы насилия
Касаются душ чистоты.

Есть души белее, чем лилия,
Из Света, Мечты и Любви,
И все же их нежные крылья
Влачатся в пыли и в крови.

Мне жаль вас, о, души лучистые!

Как русская жизнь жестока!
Кровь брызжет на самые чистые,
Мрачит белоснежность цветка.

III. Б – у

Б – у

Мне казалось порой, что задумчиво кроткий
С нежным, женственно нежным лицом,
Окаймленным чуть видною, мягкой бородкой,
Ты совсем не рожден быть бойцом.

И когда бы не виделась гордая складка
В этих сжатых губах мне подчас,
И мятежный огонь не мерцал бы украдкой
За фатой серо-дымчатых глаз, —

Я бы горько жалел, что оваян ты светом
Умирающей, ранней зари,
Что неведомый голос с нездешним приветом
Говорил тебе в сердце «умри».

Я бы горько жалел, что не повестью бледной,
О, мой юноша с тихим лицом,
А была тебе жизнь эпопеей победной
С гармонически грозным концом!

IV. «Раздался выстрел! Словно грянул гром...»

Раздался выстрел! Словно грянул гром
Над палачом грозы последней!
И умер он, как жил, тираном и рабом,
Пред совестью своей и пред людьми лжецом,
И умер он, как жил, – в передней.

И наш герой погиб: бездушен произвол,
Крепка твердыня зла и гнета!
Рой нерасцветших дней и грез с собой увел,
Но смертью он к бессмертью перешел
По траурным ступеням эшафота!

3 апреля 1902 г.

V. Орел в плену

Поймали, поймали! попалась добыча!
Смеются враги над орлом.
При звуках победного, дивного клича
Он машет разбитым крылом.

Поймали, поймали! борьба бесполезна —
Напрасно он гневно клюет
Тяжелые прутья решетки железной
И грудью с размаху в них бьет.

Напрасны усилия – поломаны крылья!
Смеются враги над орлом.
И грустно, в сознании немого бессилья,
Глазами он водит кругом.

.....

Поймали, поймали! товарищ погибший,
Наш гордый, наш вольный орел!
Ты жизнь и свободу так страстно любивший —
Навек ты из жизни ушел.

Ты сам себя отдал на жертву народу,
Ты знал, что судьба тебя ждет.
Ты знал, что тебе из тюрьмы на свободу
Один только путь – эшафот.

Исполнены гневных, бессильных проклятий —
Чего бы не отдали мы,
Чтоб вырвать тебя из смертельных объятий
Твоей одичалой тюрьмы...

Но поздно. Уж скоро змеею жестокой
Совьется вокруг шеи – петля.

Так пусть за тюремной оградой высокой
Легка тебе будет земля!

Ты там отдохнешь от великой безбрежной
Печали родимой страны.
Пусть снятся ж душе истомлено-мятежной
Одни безмятежные сны.

Ей долго звучали свободы напевы,
Она была страсти полна,
Любви, и печали, и бури, и гнева! —
Придет тишина... тишина...

Май 1903 г.

VI. Памяти Народной Воли

*Живите и торжествуйте! —
Мы торжествуем и умираем.
Из завещания Баранникова*

Все, все они умерли!
Они были такие же, как мы,
Только выше и чище душою,
И все они умерли...

Никогда,
Никогда в истории человечества

Не было такой героической,
Такой титанической борьбы!
Эта кучка юношей и девушек
Думала дать счастье
Целому Великому народу!
И все они умерли...

Свет, который манил их,
Был не брезжущей утренней зарей,
А холодным светом северного сияния.
И холод смерти окутал их,
И мрак вечной ночи
Закрывл их очи навеки.

Хорошо, что они умерли!

Смерть-избавительница
Закрывала глаза, сиявшие светом надежды,
И целовала уста, шептавшие слова привета,
И останавливала радостный стук сердца.
И когда приходили тюремщики
В камеру скончавшегося узника,
И когда палачи снимали с петли свои жертвы,
Они удивлялись
Спокойной ясности чела
И радостной улыбке на устах.
Хорошо, что они умерли, —
Умерли, торжествуя!

Они спят в сырой земле.

Но земля,

Политая их кровью, засеянная их костями,

Дала пышные всходы

Борьбы, героизма и мужества.

Сколько лет лежал под землею посев!

Как страдали бы они в эти долгие годы!

Хорошо, что они умерли!..

Аист (с венгерского)

Уж повеяло ранней весною
И фиалки в лесах расцвели.
Высоко, высоко над землею
Из далекой полдневной земли
В край родимый летят журавли.
Вот еще перелетные птицы,
И еще, и еще вереницы.
С светлой радостью каждый я год
Их встречаю обратный прилет.

Каждый год, лишь сугробы растают
И на реках лишь тронется лед,
Стаи целые птиц направляют
К нам на север свой быстрый полет.
Что их гонит и что их здесь ждет?
Или, может быть, страстно, глубоко
Они любят отчизны далекой
Пусты дикие так же, как я?
Дорога им отчизна моя?

Каждый год тот же аист на крышу
Вновь садится. Я вижу, как лист
Иль солому он носит, но слышу

Только крыльев размашистых свист,
Редко голос – он мало речист.
Милой крикнет любовно, игриво
И потом уж стоит молчаливо
На одной лишь ноге, на трубе,
Горд, спокоен, уверен в себе.

И когда для далекого юга
В том году он наш край покидал,
Я, как старого, милого друга,
С нежным смехом его провожал:
Смех мой светлой надеждой звучал.
Говорил я: для родины бедной
Час настал, час великий, победный,
И когда ты вернешься назад,
Ты свободе, как я, будешь рад.

Вновь цветы на полях распустились,
Реки тронулись, к крыше моей
Перелетные птицы спустились.
Аист милый, лети поскорей
Ты в тот край, где теперь веселей.
Ведь поля эти – гробы да гробы
Павших жертвою вражеской злобы,
А в реках не вода – это кровь
Тех, кто жизнь погубил за любовь.

За любовь к своей родине бедной.
Ведь на этих полях сражены

Под рукою чужою победной
И ее уж не встанут сыны.
Ты счастливец, ты две стороны
Называешь родной стороною.
Улетай! Я же страстной душою,
Я одну лишь люблю, да и та,
Видно, Богом самим проклята!

Нет уж мест по галерам, темницам,
И венгерцев теперь из темниц
Выпускают и шлют их к границам,
И на землю у этих границ
Упадают изгнанники ниц.
На пути ты их, может быть, встретишь,
Ты узнаешь их, ты их заметишь
По печали их сумрачных лиц
И по взорам тоски без границ.

И расскажешь ты им, как от гнева
Мы сжимаем в тоске кулаки,
Как идут в монастырь наши девы
И как рады у нас старики,
Что года их кончины близки.
И как матери слышатся стоны,
Как рыдают в отчаяньи жены
И боятся рожденья детей,
Обреченных рукам палачей!

Об одном лишь молчи, ради Бога!

Что забывших про долг и про честь
Беглецов и предателей много
У несчастной их родины есть;
Что трусов малодушных не счесть;
Но что больше всего равнодушных,
Беззаботно насилью послушных:
Про позор их родной стороны
Пусть не знают несчастья сыны!

Страх

В его домах, в его дворцах
Насилью весело живется —
И лишь никем не зримый страх
В его покои проберется.

Он не стучится у ворот,
Сквозь стены толстые проникнет,
И часового «кто идет?»
Его тревожно не окликнет.

Он заползет змеей в сердца,
Ему глумиться не наскучит,
И тихой мукой без конца
Он до конца трусов измучит.

При виде бледного чела
Зальется он злорадным смехом,
И нет предела, нет числа
Его забавам и потехам.

А, негодяи, вот оно,
Безгласных жертв немое мщенье!
Над тем, что вами свершено,
Не покаянье, но смущенье.

Нет, слишком милосердна месть,
Великодушна, быстротечна:
Она спешит вам смерть принести —
Смерть коротка, забвенье вечно.

Иди ж вперед, могучий Страх,
Неси им долгое мученье!
Живи в дворцах, цари в сердцах,
А за тобой – придет и мщенье!

«Проклятие вам, наступившим на грудь...»

Проклятие вам, наступившим на грудь
России железной пятою!
Вы ей не давали свободно вздохнуть
Измученной грудью больною;
Сыновнею ей нанесли вы рукой
Кровавые раны и грубо,
И нагло смеялись над скорбной мольбой,
Кривившею бледные губы!

Бесстыдной рукой вы с нее совлекли
Живые ее одеянья.
И скуден убор истощенной земли —
Зеленые, желтые ткани.
Поругана нежных нарядов краса!
Для вашей безмерной наживы
Уж срублены сталью бездушной леса
И выжжены желтые нивы.

Дурманом вы долго поили ее,
Чтоб сгинула гордая сила,
Чтоб родина рабское иго свое
С покорностью рабской сносила.
Вы грязною тряпкой заткнули ей рот,

Чтоб всюду царило молчанье,
Чтоб не были первым ответом на гнет
Ни стон, ни мольба, ни роптанье.

И тихо лежала немая страна,
Лежала, как труп, без движенья.
И боли застыло средь мертвого сна
На бледном челе выраженье.
Казалось, развязка близка уж была
И был уж конец неминуем —
Вдруг Гений Свободы, коснувшись чела,
Ее оживил поцелуем.

И вот засияли, открывшись, глаза
Сиянием трепетным гнева,
И в сердце ее зашумела гроза
И громов свободы напевы.
Им звон разбиваемых вторит оков,
И дрогнула подлая свора
От первых свободой дышащих слов,
От первого грозного взора!..

Борцу-рабочему

Ты, грозной мести Бог, библейский Бог!
Тебя отверг я в гордом самомнении.
Не то теперь: теперь я изнемог
От рабских слез, в бессильной жажде мщенья,
И я теперь опять перед тобой
Готов смиренно преклониться,
Готов просить тебя, готов молиться
С такой же детской мольбой.

Дрожал я в детстве, слушая, как ты
Там, в книге древней и могучей,
В сиянии праведной и грозной красоты
Громами говорил из тучи.
Ты нечестивцев поражал
Стрелами молний с небосвода.
О, как ты гнал, как унижал
Врагов избранника-народа!

И если ты не сон, не лживый детский сон,
Зачем народ, народ-избранник,
Так бесконечно унижен —
Он, жалкий нищий, вечный странник?
И доля злобного гоненья
В удел страдальцу суждена,
И пьет он чашу униженья,

И далеко еще до дна!

Когда же больше он терпеть не может,
Его раздавят грязным сапогом
И надругаются над связанным врагом,
И опозорят, уничтожат...

И под солдатскими ногами —
Бездомный гость чужой земли —
Он задыхается в пыли,
Смоченной жгучими слезами,
И солнце полуденным зноем
Его безжалостно палит.
И, кажется, лишь смерть своим немым покоем
Его страданья утолит...

Но нет, он жив, он жив, народ гонимый!
В его рядах борцы-герои есть,
И в их сердцах, как и они, незримо
Жива отмстительница-честь.
За кровь униженного брата,
За все мученья, весь позор
У палача потребовал расплаты
Герой-рабочий. Грозный приговор
Над ним свершен, но если на отчизне
Не все погибнет в тягостной борьбе,
Она, воскреснув к новой светлой жизни,
Не позабудет о тебе.
Да, умер ты, но вновь я полон веры,

Что весь народ несчастный не умрет,
Он, презираемый, униженный без меры
И героический народ!
Товарищ светлый, песнею прощальной
Почтим мы все страдания твои,
Последней песней, скорбной и печальной,
Последней песней радостной любви!

П.С. Поливанову

И жизнь кипит, и солнце светит...
Страдалец узник воли ждет,
Но вместе с волей смерть придет,
Его у двери к воле встретит.

А жизнь кипит, а солнце светит...
Не изменилось ничего.
Жестокой смерти торжество
Толпа людей едва заметит.

Зачем, зачем?... о, кто ответит!
К чему он жил, чего он ждал,
Зачем он столько лет страдал?
А жизнь кипит, а солнце светит!..

Смерть невесты (Из прошлого)

Не на брачном пиру, а в гробу на яру
Лежишь в подвенечном ты платье,
И огромный сугроб, как жених, взял твой гроб
В свои ледяные объятия.

Разрешенья печать, словно нежная мать,
Тебя уж коснулась неслышно,
И как гость роковой, лишь червяк гробовой
Пирует на свадьбе той пышной...

...Над тобой наверху, над тобой наверху
Целуется солнце с землею.
И мороз-чародей обнимает людей,
Целует с улыбкою злою.

И рокошет тайга, и белеют снега,
Целуются сосен вершины.
Буйный ветер степной гнет могучей рукой,
Гнет долу дубы-исполины...

...А в туманной дали, а в туманной дали
Там серого камня громады,
Там сжимают людей кольца ржавых цепей,

Объятыя высокой ограды.

Там сквозь окна порой, хоть корой ледяной
Покрыты они и решеткой,
Видно цепи кольцо, иль мужское лицо,
Лик женщины нежной и кроткой.

И глядят они в даль, чтоб рассеять печать,
На крест, на яру одинокий,
На ряды снежных гор, им закрывших простор,
Путь в край дорогой и далекий.

И порой на глаза набегает слеза,
Рисует слеза жгучей муки
На окне кружевной узор ледяной
Иль греет холодные руки.

Это плачут они, что так хмуры их дни,
От каменных страшных объятий
Стынет, стынет их кровь и бледнеет любовь,
И нет даже страстных проклятий...

На смерть гражданина

Кто знал, что смерть уж, притаившись, ждет?
Не в старости под бременем страданий, —
Теперь, в расцвете сил и упований,
Его чуть слышно за руку возьмет,
Стан нежно обоймет и уведет?..

Прекрасна смерть солдата на войне,
Есть смерть еще славнее и ужасней,
Но ничего нет выше и прекрасней,
Чем так сгореть на внутреннем огне
И гнева, и любви к родной стране.

Нет, не коварный враг его убил,
Не под чужою он погиб рукою, —
Но он с такой безумною тоскою
Измученную родину любил,
Что сам себя сознательно губил.

О, не щадил больного сердца ты!
И сердце билось скорбью и любовью,
И истекало, исходило кровью,
И порвалось... Как много красоты
В твоей кончине, полной простоты!

За другом и защитником своим

Шли гвардии свободной батальоны.
Студенчество различные знамена
Все, как одно, склонило перед ним,
И мы благоговейно преклоним

Знамена перед памятью того,
Кто по идеям был нам иноверцем,
Пред этим мук не выдержавшим сердцем!
Придем на грустной смерти торжество
И скажем палачам: «Не все мертво!»

Вы рады, что один погиб, ну что ж!
Нас тысячи, и нет нам равной силы!
Недаром же у дорогой могилы
Живым венком стояла молодежь, —
И в этих сотнях тысяч — ты живешь!

Мир

Окончено страшное дело войны.
Над родиной веет минутной отрадой...
Лишь в братских могилах далекой страны
Спят мертвые – хмуры, недвижны, не рады...

Окончено страшное дело войны,
И утро разбило полночные чары,
Какие кровавые снились нам сны,
Какие виденья, какие кошмары!

Газеты болтливо приветствуют мир,
Взаимным обманом горды дипломаты,
Спешит на «подъеме» нажиться банкир
И плачут от счастья солдаты!

И солнце сияет как будто светлей,
И ярче, о ярче, чем солнца сиянье,
Сиянье бесчисленных глаз матерей...
Грохочут вагоны, поют при свиданье.

Окончено страшное дело войны...
О, Боже, кому это было все надо?!
А мертвые видят угрюмые сны,
Безмолвны, недвижны, не рады...

Август 1905 г.

Ямбы

(Посв. Тр....)

...Он вырос в той семье, где злобный произвол,
Борясь с растущей силой вражьей,
Одну из злых собак себе уж раз нашел
Из псов цепных на гнусной страже.

Он вырос в той семье, где совесть – звук пустой,
Где вместо чести – дисциплина,
Где признают один закон, закон святой:
Кулак и волю господина.

Он вырос в той среде, где презирают труд,
Где люди дики, нравы грубы,
Где взятка – институт, где взятками живут,
Девиз и лозунг: «в морду, в зубы».

Он вырос в той среде, где знают слово честь
Лишь в сочетаньи: «честью просят» —
И где считается бесчестным не донести,
И где по долгу все доносят.

Охота за людьми их развращает всех,
И пусть те люди только воры,
Но все ж их ремесло, пред вечной Правдой грех:

Быть у богатой – гончей сворой...

.....

...И рано дух семьи уж научил его
Народ глубоко ненавидеть,
Глубоко презирать, и более всего
В нем средство к личным целям видеть.

Ведь в доме у отца застенки, может быть,
С невинной детскою был рядом,
И душу детскую порок уж стал губить
Своим чуть видным, тонким ядом.

Быть может, близ нее ужасный не смолкал
Крик от жестоких избиений,
И рано детский глаз к картинам привыкал
Нечеловеческих мучений...

.....

...Фортуна в первый раз явилась ему —
Она играть ведь любит в жмурки —
Не удивитесь вы, наверно, ничему:
Под звуки легкие мазурки.

Под топот каблуков и под бряцанье шпор
Она его поцеловала
И под незначущий и скучный разговор

Ему о будущем шептала.

И стала жизнь его напоминать с тех пор
Мазурки танец легкий, бурный,
И стала, как и он, полна бряцанья шпор,
Такой же светлой и бравурной.

И если наступал средь вихря танца он
Ногой окованной солдата
На веру, на права, на совесть, на закон,
На все, что дорого и свято, —

Так что ему закон и что ему народ,
Людская кровь, людское счастье, —
Когда его девиз: туда, наверх, вперед!
Погоня жадная за властью.

И он взлетел почти на министерский стул
На невзорвавшемся снаряде...
Быть может, он влиял, как злобный тарантул,
Жестокой силою во взгляде,

Иль ограниченной тупою прямоюй,
Самоуверенной и быстрой, —
Но только — человек с святою простотою
И головою не министра —

Над всею Россией он на миг единый стал,
Над всей страной старший дворник,

И он уже хотел, и он уже мечтал
На всю страну надеть намордник.

Как вдруг...

Октябрь <1906>

Борец

Гневной страстью сердце полно!
С гневной властью крови волны
То прильют, то отольют:
Не хочу в тюрьму идти я —
Жизнь-борьба моя стихия, —
Мой святой не кончен труд.

Буду рваться я из плена,
Буду я в немые стены,
В дверь тяжелую стучать,
Буду к воле я стремиться
И о мщении молиться,
Буду бешено кричать!

Возмущенья гневный пламень
Не прожжет холодный камень,
А сожжет лишь сердце мне...
И не вспыхну я, сгорая,
И сгорю, не зажигая,
На невидимом огне.

«Я давно уже не был так счастлив, так светел...»

Я давно уже не был так счастлив, так светел,
Я так горд уже не был давно!
Я в себе драгоценность открыл и заметил —
Счастье мне пережить суждено.
Может быть, ненадолго, на беглый и краткий,
На восторженно-радостный миг
Вдруг забил в моем сердце неведомо сладкий
Чувства нового новый родник:
Радость бешеной страсти, восторги стремленья,
Радость твердого слова: хочу.
Я как будто бы в чистый эфир опьянения
На невидимых крыльях лечу!
Я доверился их благодатному взмаху,
Я безумье полета постиг —
Пусть несут меня крылья, несут – хоть на плаху!
В небесах был я гостем – на миг.

Памятник

Париж, как безбрежное море, бурлит
И толпы людские, как волны, катит,
И, режа живые те волны,
Фиакры мелькают, как челны.

Как чайки над морем – слова над толпой,
И шуток порхает сверкающий рой
Немного цинично-фривольных.
Не видно в ней лиц недовольных.

Как пена, над нею ласкающий смех,
И все так изящно: смеющийся грех,
И эти фривольные шутки,
И даже в толпе проститутки.

Обманна веселая эта волна,
Вливается в зданья и меркнет она:
В них люди страданья скрывают,
В толпе ж они все забывают.

Взгляни: на одной из больших площадей,
Средь стука фиакров и смеха людей,
Близ улицы грязной и бедной
Вздывается памятник медный.

Отлитый из меди народный трибун,
Пятою могучей ступив на чугун,
Стоит, как скала, непреклонно...
На цоколе – имя Дантона.

Солдат-барабанщик склонился у ног.
Совсем еще мальчик, он весь изнемог,
Он ловит трибуна движенья,
Он ловит лица выраженье.

Молчит изваянье, но мощная страсть
И в жестах, и в позе – безбрежная власть —
Зовет он рукою из меди
Солдата к борьбе и победе.

А рядом другой наклонился солдат;
Каким вдохновеньем горит его взгляд
Отточено-острый, как шпага!
В нем юности гордой отвага.

О, вы, изваянья прошедших времен!
Ты, юный солдат, ты, могучий Дантон!
Как страшно вы близки мне оба
Всей жизнью своею – до гроба!

Ведь оба погибли безвременно вы
И буйной своей не снесли головы,
И умерли гордо и смело
За то же великое дело.

Не знаю, как умер безвестный солдат.
В Париже ль, в огне и дыму баррикад,
Средь сотен его инсurreкций,
В борьбе героических секций,

В швейцарских горах, средь немецких полей,
В великой борьбе против всех королей,
Где он совершал святотатство,
Борясь против братьев – за братство...

Дантона ж под нож гильотины послал
Суд грозных врагов; словно лев он стоял
Пред судьями гордо своими.
– Занятия, родина, имя? —

– Обычны вопросы... «Зовусь я Дантон, —
То имя мое перейдет в Пантеон!
Сегодня тюрьма мне жилище,
А завтра, быть может, кладбище».

Вы знали пред смертью, что смертью своей
Куете вы новую жизнь для людей,
Куете горячею кровью,
Куете великой любовью.

О, вы, сокрушители тяжких оков.
Как вас обманул ваш таинственный зов:
Вы новую жизнь нам сковали,

Но ту ль, о которой мечтали?!

Жизнь грубых солдат, проституток, купцов,
Чуть видных лачуг и кричащих дворцов,
Ту жизнь, что кипит, торжествуя,
Вокруг этой медной статуи.

...Мы так же спокойно и гордо умрем,
И знаю, что нашею смертью куем,
Куем мы свои идеалы
В упругие жизни металлы —

И нам покорится упорный металл...

Лирика. 1912

Вступление

«Снова, как складки покрова, свивается...»

Снова, как складки покрова, свивается,
Легким дымком в небесах расплывается,
Тяжкий и душный,
Злобный и черный,
Душу мою обнимающий чад.
Если тем чадом душа одевается, —
Словно налетом в ней все покрывается,
Жизнь станет скучной,
Радость позорной,
Сердца ключи не журчат, замолчат.

Снова в душе зазвенели созвучия
Нежно-певучие
– Флейты и скрипки
Не умолкают, —
Снова поет и трепещет душа;

Дети восторга и легкого случая,
Снова слова многоцветные, жгучие,
– Сердца улыбки —
Ярко сверкают,
Льются, и бьются, и рвутся спеша!

«У деревьев весною кору надрежь...»

У деревьев весною кору надрежь,
У клена, у белой березы, —
Сладкий ток потечет, упоительно свеж,
Как внезапные светлые слезы.

Сердце, сердце поэта любовью рань, —
От весенней, томной болезни,
С тяжелой болью, – душа, трепетать перестань! —
Источатся светлые песни.

1911

«Звенит, звенит моя душа...»

Звенит, звенит моя душа,
Как ломкий лед весной,
Когда, туманной мглой дыша,

Мы слышим, как бегут спеша
Осколки брони ледяной,
Разбитые весной!

Звенит, звенит, поет, поет,
Как горные ключи,
Когда, размыв снега и лед,
Текут, бегут, поют с высот
И пьют алмазные лучи,
Лучи – весны ключи!

Вся напряженная звенит,
Как светлый звон сквозь сон,
Но недалеко ее зенит
И солнце не на век пьянит, —
Там, где певучей бездны стон,
Там, в темных водах, – сон.

1911

У Венеры Милосской

Плюш диванов, говор иностранный,
Холод стен и мутный день в окно.
Греческой богине осиянной,
Верно, неуютно и темно.

Голову откинув на потертый

Бархат, Гейне, старый и больной,
Здесь сидел и плакал, распростертый
Пред твоею ясной белизной.

О грехах он плакал пред тобою,
И о том, что стар он и без сил,
Что не встал меж ним и меж судьбою
Образ твой, его не защитил.

И другой пришелец издалека,
Из страны, чья участь тяжела,
Здесь светло молился, но от рока
Красота безумца не спасла.

Иль она не Правда и не Разум!
Почему ж так страшно часто тех,
Кто служил ей творческим экстазом,
Сторожат безумие и грех?

Так я думал – проходили люди...
Англичане, гиды без числа.
Позабывших о великом чуде,
Красота безумцев не спасла!

«О, желтенькая птичка канарейка...»

О, желтенькая птичка канарейка,

Комочек солнца желто-золотой,
Весной, в мещанской комнатке простой,
Ты песнь поешь о том, что почки клейки,

О том, что счастье – жизнь и мир хорош,
Чеканишь золото и нижешь зерна
На нитку золотую бус упорно
И с звонким звоном нитку оборвешь.

О, бедная засохшая герань,
Ты украшаешь пыльный подоконник,
Ты, может быть, любви и счастья дань, —
Возлюбленный принес тебя поклонник.

Цвети, расти для радости людей
И говори мещанке в бедной тальме
О призрачном безумьи орхидей,
Магнолиях и африканской пальме.

Прекрасен мир, но жизнь бедна, а песнь,
Песнь лишь мечта, рожденная любовью,
Страданием и стремленьем, как болезнь
Родит мечту о счастье и здоровье.

И, может быть, искусство, как герань,
И песня, как та желтенькая птичка,
Несут немного счастья, грезе дань,
В жизнь, где унынье, скудость и привычка.

Вдохновенье

Сладостью пряной полно,
Сердце задержанно бьется, —
Словно темно-густое вино
В грудь мне безудержно льется
Из прозрачных и нежных рук
Струю серебряно-звонкой...
Или слышу я скрипок звук,
Ясный-ясный и тонкий-тонкий?
Не сознаю ничего,
Только на сердце пряная сладость.
Неужели узреть божество
Предстоит мне испуг и радость!

«Золотую кудель еще ткут веретенца...»

*Солнце – сердце.
Вячеслав Иванов*

Золотые струны натяну на лиру,
Еще не порвалась нить от сердца к солнцу,
Золотые струны от сердца к миру.

Они расплавляются, когда на зените
Солнце в яростном зное вопиет: «Осанна».
Но в хрупкие утра так явственны нити
И звенят серебряно, как *largo* органа.

«О, дай мне, Боже, сил и времени...»

О, дай мне, Боже, сил и времени,
Быть может, духом я богат,
Быть может, горсть златого семени
В моей душе живет, как клад.

Взойдет – и сотворю прекрасное,
Увижу сон свой наяву,
И вот в сей жизни не напрасно я
Пройду, промучусь, проживу.

Блаженных снов испуг

I. Блаженных снов испуг

«Пришла ко мне, мой светлый друг...»

Пришла ко мне, мой светлый друг,
Пришла с тоской, пришла с любовью,
О сердца боль, о сердца стук,
О холод этих тонких рук
На сердце с темной, с острой кровью.
Нежданная, пришла ты вдруг
Так, как блаженных снов испуг —
Вдруг приникает к изголовью!

1911

«В моей душе живет великое...»

В моей душе живет великое,
В ней ожидания строгий свет.
В отчаяньи надежду кликая,
Я долго знал и боль и бред,

И вот в сияньи, огнеликая,
Приходит Радость – Боли нет.

«Тебе, душа, со мной сплетенная...»

Тебе, душа, со мной сплетенная,
Ко мне склоненная душа,
Я отдаю слова влюбленные
И с робкой дрожью и спеша,
Всей прелестью неполнозвонною,
Всей тихой прелестью дыша.

Ты озеро мое глубокое,
Ты тайнопевная моя,
Чужая, близкая, далекая,
Я наклонюсь, шурша осокою,
Прильну к чуть видному истоку я
Волн неумолчных бытия.

«О, это гордое одушевление!...»

О, это гордое одушевление!
В нем порывания горного ветра,
И жесты быстрые, и глаза горние,
И речь свободная, вся в сменах метра.

Молю, вплети меня в твои кружения,
Я жду – мне все равно, навек, на миг ли!
Ты мера мира мне, пока движения,
Пока смятения твои не стихли.

О счастье

Когда говорю я о том, что незримо, —
Качаете вы головами.

А мной только светлая сказка любима,
Душой я не с вами, не с вами!

И горе и радость судьба нам приносит,
Ей ваши моления и вздохи,
И страстно ждет каждый, что жизнь ему бросит
Из полных сокровищниц – крохи.

А сердце мое трепетало и билось
От счастья, что в жизни не сбылось,
И, может быть, было, но после забылось,
А может быть, только приснилось.

Нежней его речь и глаза его больше, —
Глаза его странно огромны,
И свет их струится и глубже и дольше,
И свет этот свой, незаемный.

Ресницы сияют дрожаще-несмело
Лучей золотистою пылью,
Легка его поступь, и белы, так белы,
Как снег на горах, его крылья.

Легка его поступь и тонкие руки
Так нежны, так нежны, так нежны!
Прильни к ним в великой и пламенной муке,
Прильни к ним с тоскою безбрежной,

Чтоб с лаской оно над тобой наклонилось,
Чтоб сердце ровнее забилося
От счастья, которое в жизни не сбылось,
Которое только приснилось!

1906

Сон

Я засыпал. Река катилась
И мой влекла челнок;
Был сон мой тих и странно сладок
И странно неглубок.
Я слышал весла за кормою,
Прозрачных пленок плеск,
Я видел небо, небо, небо —
Его хрустальный блеск.

И были грезы – тучки в небе
И небом был им – я,
И солнце нежно освещало
Узорные края,
Сливались зыбкие мечтанья
В прозрачно-легкий ряд,
И то темнел, то золотился
Пушистый их наряд.

Когда ж весло мое цеплялось
О заросль водных трав
И застревал челнок мой легкий,
В сеть цепкую попав, —
Я просыпался и в истоме
Лежал, закрыв глаза,
И слушал, как меж водных стеблей
Звенела стрекоза.

И открывал глаза и взором
Тонул в лазури я,
Пока меня не ослепляла
Блестящая струя,
И бодро я приподымался
И взмахами весла
Вновь направлял челнок свой в заводь,
Что глухо заросла.

И там, вблизи корней корявых,

Под зеленью густой,
Меж белых, белых водный лилий
С их влажной красотой,
Там, где деревья с нежной грустью
Гляделися в затон,
Я отдавался созерцанию
И вспоминал свой сон...

1905

Март

Хорошо сегодня,
Плещет дождь весенний,
Теплый дождь.
Хорошо сегодня,
Благодать Господня
Близ родных селений,
Среди голых рощ,
Между сосен тонких,
Меж сквозных берез
Пенье капель звонких
До слез.

Хорошо сегодня, —
Теплый март!
Хорошо сегодня, —
Томный март!

Я брожу сегодня
Наугад,
Я чему-то странно
Тихо рад.

Нежно улыбаюсь,
Про себя шепчу,
Дождиком весенним
Душу омочу,
Дождиком весенним
Сердце окроплю,
Радость полюблю,
Счастья захочу...

В дороге

Разве не счастье ездить по пыльным дорогам,
Ездить по пыльным дорогам в неизвестную даль,
Чувствовать связь свою с радостным, ласковым Богом,
С Богом, забывшим, что в мире есть боль и печаль.
Разве не счастье!

Разве не радость рвать на полях маргаритки,
Рвать на полях маргаритки, сплестать их в венок,
Бросить их встречной крестьянке или вот у калитки
Девушке в белом, мелькнувшей как светлый намек,

Разве не радость!

Разве не счастье быть беззаботным, как сеттер,
Черный мой сеттер, бегущий радостно рядом со мной,
Щурить от солнца глаза и чувствовать только, как ветер
Гладит мне щеки и волосы теплою женской рукой,
Разве не счастье!

1906

«...Я чувствую утром еще полусонный...»

...Я чувствую утром еще полусонный
В глазах влагу теплую слез:
Я плакал сегодня во сне, утомленный,
И нежный встаю я, еще упоенный
Воздушною радостью грез.

И ночи, как дни мои, светлы и ясны,
И тихи мои вечера,
И я засыпаю с надеждою страстной,
Что день будет завтра такой же прекрасный,
Быть может, светлей, чем вчера.

Я знаю, со мною великое сбылось.
Не зная еще почему, —
Недаром же сердце безудержно билось,
Недаром же сердце безумно молилось

И чувствовал свет я сквозь тьму.

Но жду я пришествия света иного,
Какого, не знаю я сам, —
Но слишком он ярок для зренья земного...
Я жду – вот мгновенье, и скажется слово,
И я подымусь к небесам!

1905

«Знойный день догорал, догорал...»

Знойный день догорал, догорал...
В небе веяли алые краски,
В небе реяли странные маски,
В иступленно-торжественной пляске
Кто-то душу мою обвивал,
Кто-то душу мою целовал
И манил к незнакомой развязке.

Он манил, он манил, он манил.
Я ходил сам не свой, иступленный,
В небе алые краски гасил
Кто-то в вспышке слабеющих сил,
Я по улице странно червленной
Шел безумный, безвольный, влюбленный,
И в душе, как сосуд золоченный,
Драгоценное бремя носил.

Был горяч под ногами асфальт,
Тучей реяли знойные мухи,
Песни пели вечерние духи,
И звучал их томительный альт
В напряженно страдающем слухе.
Были губы мучительно сухи,
Словно выжженный солнцем базальт.

Драгоценное время любви,
Ток пурпурный безумья и смерти!..

«Друг мой...»

Друг мой,
Поверить ли странным словам
О Вечном Возвращении?

Так же ли будем снова сидеть мы
В лунном свете,
Так же ли будут сиять мне
Твои влажные глаза
И душа трепетать
От сладкой боли?

Или и эти мгновения,
Едва коснулись их наши губы,
Уже невозвратны,

И мы позабудем о них,
И наша слабая память
Изнеможет в неравной борьбе?

Люди верят в Бога
Всеблагого, Всемогущего...
Им нужна вера
В вечное добро
И в бессмертие души —
Я боюсь только забвения.

Я хочу верить в Бога,
Великую Память природы,
И что эта Вселенская Память

Сохранит на веки веков,
Когда не будет нас,
Когда ничто не напомнит о нас
Живым людям,
И после, когда вся жизнь замрет на земле,
Сохранит воспоминание
О нас, ушедших,
И о нашей любви
И об этом ликующем часе,
Обо всем, о чем мы сами забудем
В вихре мятущейся жизни.

II. Радость

«В первый раз я взглянул на тебя...»

В первый раз я взглянул на тебя,
Я взглянул на тебя с изумленною радостью,
И глаза твои засияли
Навстречу засиявшим глазам моим.
«Так вот ты какая —
Такая милая,
Простая, чудесная,
Вот ты какая!»

«Скучно светит мне солнце...»

Скучно светит мне солнце,
Хмуро мое небо,
Серы дни.
О, как протянуты руки мои
С мольбой и надеждой,
Как жаждет душа
Светлого чуда.
И глаза мои
От жутко напряженного ожидания

Горят и светятся,
Как свечи, две свечи
Пред киотом владычицы
Божией Матери
Нечаянной Радости.

«Я хочу любоваться тобою без слов...»

Я хочу любоваться тобою без слов,
Я хочу любить тебя в молчании.
В душе у меня дрожат слезы и смех,
Когда я слышу каждое твое слово.
Я люблю все слова твои,
Я люблю их,
И когда от них еще чуть вздрагивает тонкая шейка,
И когда они только сияют в глазах твоих
Веселыми искрами
И дрожат на устах
Еще не сказанные,
А когда они срываются с милых уст твоих
И наполняют серебряным шумом белых порхающих
бабочек
Всю комнату,
Я смеюсь и плачу в душе,
Не вникая в их смысл,
Не понимая их.
А ты —

Ты почти не слушаешь меня.

О, как я беден!

У меня нет речи в тяжелых, богатых одеждах образов,

В самоцветных камнях сравнений,

Нет алмазов шутки,

Нет кружев мечты,

Нет томных жемчугов нежности,

Ничего нет.

Но если бы даже я говорил как Ромео,

Разве ты полюбила бы меня!

«Я возьму твои руки...»

Я возьму твои руки

И загляну в глаза твои,

И скажу тебе:

Я люблю тебя,

Всю, всю тебя,

Твое тело и твою душу,

И нежный смех и тонкие руки,

И сияние глаз,

И не знаю, что я люблю больше,

Всю твою высокую светлую душу,

Бессмертно прекрасную,

Или это родимое пятнышко

На твоей руке!

«Я люблю тебя, слышишь...»

Я люблю тебя, слышишь
Эти простые слова.
Почему же ты побледнела
И не дышишь?
Или я причинил тебе боль,
Зачем ты прижала руки к сердцу?
Или словом можно ранить безжалостно,
Как острым ножом?

«Ночь...»

Ночь,
Свеча горит тревожно,
Мне душно,
Мне горько,
Я задохнусь, захлебнусь от боли и горечи.
Прочь, прочь, мой проклятый кошмар,
Скорей к окну,
Стекло дребезжит и ставни стучат,
Уже утро,
Солнце сияет,
Воздух холодный,
Как ключевая вода,

Хрустально звенящий
Ворвался в комнату.

.....

Почему горячие капли обожгли мое лицо,
Почему дрожат мои руки?

.....

Ты утро любви, ты солнце любви,
Здравствуй!

«“Радость моя”...»

«Радость моя» —
Это ты мне сказала.
И вот сегодня я
Целый день
Радостно думаю:
«Как хорошо, как просто и мило.
Есть же на свете такие чудесные слова —
Радость моя».

«Мы сидим вдвоем...»

Мы сидим вдвоем
В тихой беседке,
Солнце льет прощальный свет
Сквозь зелень деревьев,
И, как солнечные пятна,
Трепетны мои влюбленные слова
И полны предчувствия тихого вечера,
И багрянца, и золота
Вечернего неба:

«Я хочу сделать тебя счастливой,
Но что я могу дать тебе,
Я бедный нищий,
Что я могу дать тебе,
Кроме своей жизни?

Отдать бы ее,
Бросить тебе ее под ноги,
Легко и небрежно,
Чтоб легче было ступать тебе...
Отдать бы ее,
Ничего не требуя взамен,
Ни любви, ни благодарности,
Отдать только потому, что это так просто, легко и
радостно.

Как жаль, что ты меня любишь, —
Я хотел бы отдать тебе жизнь
Царственно бескорыстно».

Так говорил я
В тихой беседке,
И солнечные пятна
Дрожали у тебя на лице, на зелени деревьев,
И в моих словах,
И в твоей улыбке.

«“Я твоя” – ты сказала мне...»

«Я твоя» – ты сказала мне.
Дай мне подумать:
Как смешно, и странно, и радостно,
Ты моя,
Душою и телом,
Это значит, мои – эти ясные глаза,
Я могу прижать уста к твоим устам
И поднести к губам эту руку.
Вот захочу – подыму ее,
Захочу – опущу.
Захочу и возьму твою тяжелую косу
И закину ее тебе на плечи,
Как задорный мальчишка,
Или заверну ее в корону,

Царица моя!
Как это странно, смешно
И радостно.

«Когда ты уходишь...»

Когда ты уходишь,
Мне тесно здесь с моим счастьем,
И я стремглав сбегая вниз по лестнице
Через четыре ступеньки,
И едва не сбиваю с ног
Старушку-даму,
И извиняюсь,
Вежливо приподняв шляпу.
К чему извиняюсь?
Слишком долго ходил я чинно вверх и вниз,
Сегодня я хочу бежать стремительно —
Через четыре ступеньки!

«Когда ты уходишь...»

Когда ты уходишь,
Поцелуи твои звенят в воздухе,
И порхают в комнате,
Как невидимые маленькие бабочки,

И садятся мне на руки,
На лицо, на уста,
И, закрывши глаза, вот я чувствую
Нежный трепет мягких их крылышек
На руках, на лице,
На устах.

«Отдохни, моя милая...»

Отдохни, моя милая,
Я буду рядом с тобой,
Я буду смотреть на тебя
При бледном свете лампы,
Бережно подверну под тебя
Вязаный платок,
Окутаю тебя тихой лаской,
Как мягкими его складками.

«Дождь, дождь...»

Дождь, дождь
Льется с небес
Крупными каплями,
Льется и бьется о землю
С радостным звоном.

Мы быстро идем рука об руку
По сырой земле,
Как плещет вода у нас под ногами
В чистых лужах.
Как хорошо чувствовать теплую влагу
На лице, на руках,
И вдыхать томный запах тополей,
И видеть омытую землю.
Как хочется прильнуть к ней,
Лечь щекой на размытую глину.
А у тебя-то, у тебя-то!
Мокрая рука в моей руке,
Мокрое милое лицо, мокрые волосы,
Мокрое платье.
Капли дождя бьются о землю с силой и радостью,
Или сила и радость у меня в сердце?
Дождь, дождь!

«Я ехал к тебе на пароходе...»

Я ехал к тебе на пароходе,
И радуга, цветная радуга,
Обняла все небо
От края до края,
И, как в радужные ворота,
Я ехал к тебе по реке
И славил Бога,

И тебя, и любовь нашу.
Как же мне не верить в Него,
Не славить Его,
Когда такую праздничную арку
Строит он для нас с тобой, для нас с тобой, для нас с
тобой!

Ведь эта радуга для нас с тобой,
А те незаметно серые,
Промокшие под дождем пассажиры
(Как, впрочем, промокли и мы с тобой),
И хмурый капитан,
И черный истопник,
Они только так,
Только кажется, что они существуют,
Они живут только для того,
Чтобы войти в нашу радость,
И когда мы будем вспоминать эти минуты,
Мы вспомним их, серых и темных,
Радужными, просветленными,
Они, как радуга и брызги колес,
Для нас с тобой, для нас с тобой, для нас с тобой!

III. Боль

Расставанье

В час расставанья ты была спокойна,
Все было тихо и печально стройно,
Как те зелено-сумрачные ели,
Которые над нами шелестели.

В час расставанья тишина лесная
Была кругом, и темная, сквозная,
Густая зелень, как покров тяжелый,
Свет пропускала солнца – невеселый.

В час расставанья шли в листве мы желтой.
О, призрак осени, уже пришел ты,
И лес листвою мертвой, прошлогодней
Твердил нам неизбежное: «сегодня!»

В час расставанья ключ журчал средь моха,
И шелест елей был как трепет вдоха,
Просветы неба были так воздушны,
И мы казались оба равнодушны.

«Безнадежность глядела мне в очи...»

Безнадежность глядела мне в очи
Напряженно пустыми глазами,
Истекала в бессонные ночи
Водяными и злыми словами.
Безнадежность смеялась и пела,
И плясала, плясала, плясала!
Долго, долго душа терпела
И, как чадный очаг, угасала...

I. «Особым знаком отмечает кровь...»

Особым знаком отмечает кровь
И из людских рядов выводит властно.
Как кровь, судьбы печать кладет любовь —
Она сильна, как смерть, когда несчастна.

Причудлива судьбы и жизни вязь,
Всех красок смесь в ней не разложит призма,
Но мстителей с любовниками связь
Понятна мне из общего трагизма.

Пусть безнадежный в стан борцов придет,
Но приведет его не безнадежность,

А раненой души больной полет,
Кровавый знак, мрачащий белоснежность.

II. «Так легко, легко и просто...»

Так легко, легко и просто
Отдаем мы жизнь свою,
Ляжем, ляжем вне погоста
В нелюбимом, злом краю.

И в последние мгновенья
Будем помнить мы о ней.
Сердце, сердце, пламеней!
До великого забвенья
Близ неведомых огней,
Будем помнить все о ней.

И когда нас за собою
Позовет благая смерть,
Там, за твердью голубою,
Прозреваемая твердь, —

Будет в нас не ужас Ночи,
Но сильней, чем смерть, тоска,
Что закроет наши очи
Не заветная рука.

«В мире прочного нет ничего...»

В мире прочного нет ничего,
Все уносится мимо, мимо.
Но любовь быстрее всего
Исчезает, как легкие дымы.

Прижимай, прижимай сильней
Ближе к сердцу милую руку,
Скоро ты не приникнешь к ней,
Будь готов каждый миг на разлуку.

Обнимай, обнимай тонкий стан,
Он, как призрак, в душе витает,
Он, как сладкий, краткий обман,
Промерцает, пробрезжит, растает.

В миг отчаянья жадно лови
Легковейные складки одежды.
Больно ранят жала любви,
Безнадежны ее надежды!

«Тяжело идти, тяжело идти...»

Тяжело идти, тяжело идти,
По земным путям тяжело брести,
Вот еще уклон, еще поворот,
Вот еще подъем, и тот, и тот.

Пыль и острые камни знойных дорог,
Тяжесть ног, утомленных, свинцовых ног,
Раскаленное олово с небесных полей
На усталые головы, Солнце, не лей!

Если бодрый товарищ с тобою идет,
Если милая женщина рядом поет, —
Легче ношу нести, идти веселей
По просторам скудных земных полей.

Если ж бросит женщина посередине пути, —
Сил не станет идти, идти, идти,
И в душе одно желанье – прилечь,
Сбросить, сбросить котомку с усталых плеч.

«Испил ты эту чашу до конца...»

Испил ты эту чашу до конца.
Ты нежную узрел неожиданно грубой,
Увидел сжатые презреньем губы
И замкнутость холодную лица.

Со страстью ей молился ты сугубой,
Ты думал – мягки женские сердца,
Но ты не знал, что те, кто им не любы,
Для них не боле значат мертвеца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.